

УДК 811

И.В. Новицкая**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АБСТРАКТНОСТИ
КАК ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
АБСТРАКТНЫХ / ОТВЛЕЧЕННЫХ ИМЕН
В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Анализируется философская интерпретация понятий «абстрактный» и «конкретный» и на этой основе делается вывод о специфике языковых единиц, подпадающих под определение «абстрактные существительные». Рассматривается проблема выделения особого подряда отвлеченных существительных на основе теории о различных уровнях абстракции. Также делается вывод о содержании понятия «древнегерманское абстрактное существительное» и описывается круг лексем, которые попадают в разряд абстрактных в древнегерманских языках.

Ключевые слова: абстракция, абстрактные имена, конкретные имена, древнегерманские абстрактные существительные.

Объектом исследования в настоящей статье выступают лексические единицы, входящие в особое тематическое объединение – группу имен существительных, которые являются обозначениями признаков, состояний, процессов, действий, качеств и т.п., т.е. таких имен, которые в лингвистике принято называть абстрактными. Задача комплексного описания массива лексических единиц, подпадающих под современное понятие «абстрактный», которая включает и необходимость когнитивной интерпретации их словообразовательных типов и совокупности деривационных средств, высветила актуальность проблемы критериев для выделения имен существительных с абстрактной семантикой в древних германских языках и тем самым заставила обратиться к философской интерпретации понятий «абстрактное» и «конкретное».

Несмотря на то, что в философии опыт осмысления сущности абстрактности насчитывает десятки столетий, в лингвистической науке понятие «абстрактный» и до настоящего времени представляет собой «неоднозначное, труднодостижимое и трудно интерпретируемое» содержание [1. С. 28]. Соответственно, парадокс абстрактного имени (АИ) как объекта лингвистического и философского анализа заключается в том, что «накопление знаний о нем способствует не столько решению старых проблем, сколько обнаружению новых» [1. С. 316]. Дело в том, что рассматриваемые в настоящей работе в качестве объекта исследования имена существительные составляют лишь одну из групп всего лексикона, однако даже взятый в отдельности данный тип слов представляет собой подсистему, в которой способ упорядочения единиц согласуется с некоторыми образцами когнитивной переработки и сортировки информации. Поэтому именно когнитивный подход к анализу абстрактных имен считается на современном этапе более адекватным и плодотворным.

Проблема несколько усугубляется еще и тем, что в рамках традиционного базового деления субстантивов на конкретные и абстрактные во многих авторитетных русскоязычных лингвистических работах (см. обзор в [1.

С. 41–56]) в качестве дублета термина «абстрактный» часто используется термин «отвлеченный». Данное обстоятельство также потребовало уточнить основания для использования подобной терминологической синонимии и установить, возможно ли проводить разграничение абстрактных и отвлеченных имен в древнегерманских языках.

В философии считается [2. С. 144–190], что процесс познания окружающего мира человеком опирается на два уровня мышления: 1) чувственное (непосредственное, наглядное, эмпирическое, техническое) мышление, осуществляющееся на первой ступени абстракции в формах ощущений, восприятий и представлений, которые не требуют языковой опоры; 2) логическое (абстрактное) мышление, осуществляющееся на второй ступени абстракции и реализующееся в логических формах понятий, суждений и умозаключений, обязательно выраженных в формах естественного языка – в словах (понятиях) и предложениях (суждения и умозаключения).

Приведенные выше две ступени познания – чувственное и логическое – образуют единый процесс мышления, в котором элементы находятся в постоянном взаимодействии, что и составляет основной закон и назначение процесса мышления. Это означает, что, с одной стороны, абстрактного логического мышления не существует, если оно тут же не переходит в чувственное, так как за абстракцией всегда должно что-то скрываться, иначе она, лишь как абстракция, не может быть воспринята чужим мозгом; а с другой – то, что в основе как чувственного, так и логического мышления лежит основополагающая способность человека к абстрагированию.

Процесс абстрагирования может трактоваться как в широком, так и в узком смысле. Если широкая интерпретация предполагает мыслительную операцию, при которой «мысль отвлекается от непосредственно данного воспринимаемого представления и сохраняет для себя некую часть, чтобы использовать на последующих этапах мышления», то в узком смысле абстракция – это «отвлечение от единичного, случайного, несущественного и выделение общего, необходимого, существенного, чтобы достигнуть научного, объективного познания» [3. С. 8]. На этой основе в философии выделяются следующие *типы абстракции*: обобщающе-различающее, отождествляющее, а также рефлектирующее (изолирующее) абстрагирование [4. С. 14].

Таким образом, способность человеческого мышления к абстрагированию является его неотъемлемой характеристикой, не зависящей от любых экстралингвистических факторов, таких, например, как тип экономической формации общества, в котором человек проживает, или уровень культурного развития человека и общества.

В свою очередь, процесс абстрагирования также может проходить в несколько этапов и, следовательно, быть разбитым на уровни. Если принять во внимание тот факт, что абстракция есть «процесс мысленного отвлечения от ряда свойств предметов и отношений между ними и одновременного отделения, вычленения интересующего нас свойства или отношения» [5. С. 20] с целью создания обобщения, обобщенного образа, то на первой ступени познания происходит отход, отвлечение от реального, материального мира и формирование идеальных образов предметов, действий и т.д. не в виде их физического отпечатка в языковом сознании, а в качестве обобщенного

представления об этих предметах, например «дерево» вообще. Как следствие, человек способен мысленно себе представить объект даже при его фактическом отсутствии. Однако это мысленное представление будет опираться на тот объект, который существовал ранее и был доступен органам чувств. В этом ракурсе обобщение, образ как результат абстрагирования присутствует в каждом слове, следовательно, каждая лексическая единица может считаться абстракцией, так как за ней стоит определенная идея (ср., например, *бежать, играть, теплый, воспитанный, игра, стол, ромашка*). Одним из проявлений указанной способности мышления можно считать функцию объединять единичные предметы материального мира в роды, пренебрегая их внутривидовыми различиями.

Однако уникальность человеческого мышления заключается также и в том, что способность к абстрагированию (отвлечению и обобщению) позволяет человеку осуществить мысленный отрыв не только от материального мира, но и от мира идеального. За каждым словом в языке стоит идея, которая находится на разной ступени удаленности от телесного мира – осязаемого, зримого, наблюдаемого, фиксированного в пространстве и времени. Степень удаленности идеи от материального мира определяется исключительно тем, насколько активно и полно задействованы человеческие органы чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, вкусовые ощущения) в процессе получения информации об объекте, обозначенном словом.

Признание существования различных ступеней абстракции имеет для лингвистических исследований, направленных на раскодирование заложенной в языковых символах информации об опыте социума, важное значение, поскольку позволяет увидеть, что абстрагирующая способность мысли обуславливает появление в языке двух типов образов, условно названных «первичными чувственно-рациональными образами», или «перцептивными первичными образами», и «образами воображения», «вторичными ментальными образами» [6].

Первый тип образов базируется на чувственно-рациональной форме отражения материального мира в сознании, связан с предметно-понятийным логическим содержанием лексической единицы и адекватно отражает обозначенный этим словом объект. Е.А. Юрина считает, что носителями перцептивных первичных образов в лексической системе языка являются предметные имена существительные, качественные прилагательные, глаголы конкретного физического действия в своих первичных значениях, обозначающие, соответственно, конкретные предметы и чувственно воспринимаемые их статические и динамические свойства [6. С. 9]. Однако уже на этом уровне благодаря различной степени обобщения выделяются образы, представляющие собой структуры знания, различные по степени сложности: мыслительные «картинки» (бульдог, ромашка, петух), менее детализированные образы-схемы (река, дерево, дорога), «образы-инсайты» предметов сложной конструкции (зонтик, барабан, ножницы), более обобщенные образы гиперонимов (одежда, обувь, игрушка) [6. С. 10]. Градация лексических единиц по степени сложности образа (степени и характера обобщения) выявляет тесную взаимосвязь чувственного и логического мышления, так как имена менее широких классов объектов выражают менее обобщенные, более

детализированные образы с преобладанием чувственного элемента, а имена более широких классов характеризуются более обобщенными и схематизированными образами, в которых понятийная составляющая превалирует над чувственной [6. С. 10].

Второй тип образов – конвенциональные ментальные образы, образы воображения – предполагает функционирование абстрактного аналитического мышления, которое позволяет в интерпретационной форме, опосредованно и ассоциативно отразить содержание обозначаемого феномена, который относится к сфере объектов, не поддающихся чувственному восприятию. Сюда относятся явления ментального, психического, социального, абстрактно-категориального порядка, т.е. единицы, определяемые как абстрактные объекты [6. С. 10–12].

В отношении АИ можно отметить их специфическую особенность, которая проявляется в том, что имя данного типа не обладает образностью в том смысле, что оно не связано ни с каким зрительным впечатлением или сенсорным опытом. Однако диалектическая взаимосвязь чувственного и логического мышления позволяет наделять абстрактные сущности чувственно воспринимаемыми признаками в силу того, что мышление человека способно ухватить сходство разноплановых (предметных и умопостижимых) явлений (например, *стена враждебности*, *луч надежды*). В результате логические образы абстрактных понятий в языке выражаются посредством целого ряда наглядных чувственных образов, что в лингвистической литературе получило терминологическое обозначение «вещная коннотация абстрактных сущностей», введенное В.А. Успенским [7. С. 140–148]. Анализ сочетаемости АИ [1; 8], а также концептов, выражаемых абстрактными понятиями [9], выявил, что в коллективном сознании АИ уподобляется предметному имени и наделяется чувственно воспринимаемыми характеристиками объектов вещного мира, с которыми это АИ может быть связано в языковом сознании. Свообразие языков при этом проявляется в разном «видении» абстрактной сущности в ее проекции на предметную (рус. легкость пушинки – фр. легкость пепла [10]). В рамках современной когнитивной парадигмы данное явление описывается как создание обязательной образности АИ посредством «когнитивной метафоры» [1. С. 241].

Приведенная выше типология образов, наряду с доказательством существования различных типов абстрагирующей работы мысли, позволяет увидеть общие закономерности в структурировании лексической системы языка, которые отражают существующие в сознании единицы с обобщенным концептуальным содержанием, служащие ориентирами при субкатегоризации некоего формального класса. Так общепринятым является мнение об уровне организации как всего класса субстантивов [11. С. 161–167; 12. С. 65–66], так и отдельных лексико-грамматических разрядов этого класса [1], выстраиваемой с точки зрения ступени абстракции. Согласно такому подходу вся лексическая система в целом организована по уровням таким образом, что чем выше уровень, тем более абстрактное значение имеют слова в него входящие (модель родовидовых взаимоотношений лексических единиц). Соответственно, на самом высоком уровне находятся слова, обозначающие максимально обобщенные понятия, т.е. такие, которые мы традиционно на-

зывают абстрактными. На самом низком уровне лексической иерархии находятся слова, которые характеризуются самой узкой сферой употребления и обозначают конкретные понятия. Таким образом, в системе субстантива выявляются два типа полюсных единиц: абстрактные и конкретные. При этом каждая лексическая единица занимает определенное положение по шкале конкретности – абстрактности как в системе всего класса субстантивов, так и в пределах каждого типа имен.

Таким образом, в системе субстантива абстрактное имя (АИ) с точки зрения обозначаемых понятий противопоставлено имени конкретному (КИ). Отличительным признаком, по которому абстрактные имена противопоставляются существительным конкретным, является «абстрактность». Само слово «абстракция» (abstractio) впервые появилось в философских трудах. Термин «абстракция» (abstractio) был введен средневековым философом Боецием (480–525) для обозначения процесса абстракции и является переводом на латинский язык греческого термина *αφαρέτις*, употреблявшегося Аристотелем для обозначения процесса абстракции и его результатов [5. С. 20].

В известной антиномии «абстрактное – конкретное» философы, опираясь на этимологическое значение словоупотреблений «конкретный» и «абстрактный», традиционно вкладывали в них тот смысл, который отображал позицию отстаиваемой ими философской концепции. В латинском языке *concretus* «конкретное» означало попросту смешанное, сращенное, составленное, сложенное, а *abstractum* «абстрактное» – изъятое, вынуженное, извлеченное (или отвлеченное), отрешенное [13. С. 384]. Подобное этимологическое видение и нашло свое выражение в определениях средневековой науки, которая называла абстрактными все имена-понятия (имя не отличалось от понятия), обозначающие свойства и отношения вещей, а конкретными – названия этих вещей. Таким образом, непосредственный смысл термина «конкретный» подразумевал единичные, чувственно воспринимаемые вещи и наглядные их образы, а «абстрактный» – общие формы этих вещей, одинаково повторяющиеся их свойства и закономерные отношения этих вещей, выражаемые в терминах, именах и числах [13. С. 385]. Следовательно, употребление терминов «абстрактный» и «отвлеченный» в качестве абсолютных синонимов во многих лингвистических трудах восходит к различению философского термина «абстракция», который отражает две стороны явления.

Современная философия в основу разграничения понятий «абстрактный» и «конкретный» кладет принцип диалектической логики о соотношении абстрактного и конкретного в понятии. Согласно означенному принципу язык – непосредственная действительность мысли, которая в определениях понятий словесно фиксирует определения действительности. Действительность при этом понимается не просто как море «единичных вещей», а как организованная в себе конкретность, т.е. закономерно расчлененная система отношений человека к человеку и человека к вещи. В практическо-научном исследовании этой конкретной действительности вырабатываются «абстрактные» определения понятий, выражающих структуру и организацию действительности. Подобные абстрактные определения выражают действительно (объективно) выделяющиеся в составе конкретной действительности ее дискретные моменты [13. С. 402–413]. «Каждое понятие абстрактно в том

смысле, что фиксирует далеко не всю полноту конкретной действительности, а только один из ее частных моментов. Но каждое понятие конкретно, так как фиксирует не формально-общие «признаки» разнородных фактов, а точно выражает конкретную определенность того факта, к которому оно относится, его особенность, благодаря которой он играет в совокупном составе действительности именно такую, а не какую-нибудь иную роль и имеет именно такое «значение», а не иное» [13. С. 412].

Соответственно, понятие – «конкретная абстракция» (термин Э.В. Ильенкова), так как в нем находит выражение чувственно и эмпирически констатируемый факт со стороны такого его свойства, которое ему специфически принадлежит как элементу данной конкретной системы взаимодействующих вещей, а не просто как «абстрактной» вещи, неизвестно к какой конкретной сфере действительности относящейся.

Опираясь на данную позицию, можно утверждать, что любое понятие содержит в себе и конкретную и абстрактную характеристику, поэтому любое слово языка как единицу языковой системы, служащую для обозначения понятия, представления или какого-либо предмета [3. С. 418], нужно рассматривать как диалектическое единство абстрактного и конкретного. Следовательно, любая лексическая единица есть своего рода абстрактная единица в том смысле, что она возникла благодаря способности нашего мышления к абстрагированию. Однако с точки зрения типа абстракции, активированного при формировании понятия, выраженного словом, степени абстрагирования и типа обобщаемых объектов мы можем выделить в системе субстантива, с одной стороны, конкретные, а с другой – абстрактные имена. При этом каждый из данных типов имен также обнаруживает стремление к уровневой организации входящих в него единиц по шкале конкретности – абстрактности. Именно наблюдения за неоднородностью типа АИ позволили Л.О. Чернейко высказать точку зрения о необходимости выделять отдельный класс имен – отвлеченные имена – как продукт особого вида мыслительной деятельности, или особого вида абстракции [1].

Связывая концепцию иерархической организации лексики с положением о различных типах абстракции, Л.О. Чернейко обосновала авторское понимание АИ как *результата высшей ментальной деятельности человека*, т.е. индуктивно-дедуктивной [1. С. 67]. По мнению Л.О. Чернейко, АИ обобщает такие стороны материальной действительности, которые хотя и присущи ей, в самой действительности, кроме мысли, ничем не объединены. АИ обозначает такой феномен, информацию о котором не передает ни одно из ощущений в отдельности, ни все они в совокупности, поскольку постичь сущность обозначаемого явления эмпирически невозможно. Понятие, стоящее за АИ, всегда формируется только на основе понимания и представляет собой «идею смешанных модусов». Основная особенность АИ проявляется в том, что содержание его понятия характеризуется обязательным наличием приращенных смыслов различной природы, не позволяющим представить семантику АИ как арифметическую сумму простых идей [1. С. 67–80].

В противоположность АИ у основания лексической иерархии находится КИ, которое можно охарактеризовать как единицу, обозначающую такое

понятие, которое формируется на основе *обобщающе-различающего типа абстрагирования*. КИ возникает как результат обобщения предметов материальной действительности. Имя конкретного понятия обладает наглядностью в виде чувственного образа вещи, обусловленного общностью внешней формы предметов одного класса, способных быть воспринятыми органами чувств человека. Иными словами, имя конкретного понятия обозначает нечто такое, информация о чем передается всеми ощущениями одновременно либо взятыми по отдельности, и в этом проявляется непосредственное соотношение КИ с материальным миром. Чем больше органов чувств активизируется у человека при осмыслении реально существующих, эмпирически постигаемых объектов материального мира, тем более конкретными они для человека являются [1. С. 68–108].

Имя отвлеченное (ОИ) занимает промежуточное положение между АИ и КИ. Как и АИ, имя отвлеченного понятия является обозначением таких реальных, которые относятся к области понимаемого, а не эмпирически воспринимаемого. Однако как и КИ, ОИ еще сохраняет свою связь, хотя и опосредованно, с материальной действительностью через производящую основу (глагол и прилагательное). При этом наглядность ОИ достигается соотношением какого-либо свойства или действия с объектом, который воспринимается как стандартный референт (например, *белизна* снега, а не бумаги). Следовательно, в ОИ мы имеем дело с *отвлечением*, т.е. с освобождением свойства от его носителя, а действия – от его исполнителя с последующим категориальным оформлением этого свойства/действия в виде субстантива. Таким образом, одним из отличительных свойств ОИ является его производность от глагола или прилагательного. «Отвлеченные субстантивы – это отадъективные и отглагольные собственно синтаксические дериваты, сохраняющие семантику производящих. Их было бы логичнее рассматривать как формы соответствующих производящих, а не как самостоятельные слова. Но тогда нелогично называть их «отвлеченными», признавая их самостоятельность» [1. С. 64]. Особенность ОИ заключается, прежде всего, в характере отражаемой этим именем реальности (ср. лганье и ложь, прегрешенье и грех, пение и песня, игра и игра, борение и борьба). Как следует из приведенных примеров, если в ОИ происходит отвлечение действия или свойства, то в АИ наблюдается их овеществление [1. С. 59–67].

Таким образом, в сфере имен существительных, которые мы традиционно определяем как абстрактные/отвлеченные, обнаруживается разнотипность образований, в нее включенных, которая, по мнению Л.О. Чернейко, позволяет провести среди них «демаркационную линию». Справедливость высказанного мнения подтверждается также тем, что в последнее время в лингвистической литературе стали появляться и другие термины для обозначения ОИ, отражающие интуитивное стремление авторов отграничить этот класс имен. Так, мы встречаем упоминание о семантико-словообразовательной категории *имен действия*, или *nomina actionis*, которая включает как отглагольные, так и отыменные дериваты [14], а также указание на существование *номинализаций*, в терминологии Е.С. Кубряковой [15. С. 395], О.К. Ирисхановой [16] и зарубежных исследователей.

В связи с вышеизложенными замечаниями в древнегерманских языках не следует проводить целенаправленное разделение существительных, обозначающих умпостигаемые явления, на абстрактные и отвлеченные. Как единый класс древнегерманских абстрактных / отвлеченных имен данный лексико-грамматический разряд включает такие лексические единицы, которые служат обозначениями понятий, относящихся только к области понимаемого, не обладающих собственными чувственными образами, а наделенных «обязательной» образностью благодаря когнитивной метафоре, т.е. предметным именам как «скрытым семантическим предикатам» [1. С. 242]. К подобным лексемам можно отнести обозначения качеств, свойств, признаков, способностей, состояний, действий, процессов, отношений, характеризующих жизнь, деятельность и результаты деятельности человека и животного, а также неодушевленные объекты. В приведенной трактовке древнегерманские абстрактные / отвлеченные имена не включают обозначения вымышленных персонажей народного литературного творчества, мифологических и религиозных существ, а также термины различных метаязыковых систем, что расходится с мнением А.А. Уфимцевой [17].

Средством выражения абстрактности / отвлеченности в древнегерманских языках выступает внутренняя форма языковой единицы, реализованная за счет словообразовательного маркирования. На лексическом уровне абстрактностью / отвлеченностью обладают производные и производные языковые единицы, оформленные специализированными словообразовательными формантами и относящиеся к определенным парадигматическим рядам / классам.

В этой связи первичное выделение древнегерманских лексем с точки зрения выражаемых ими понятий следует *обязательно* сочетать с последующим анализом их словообразовательного и парадигматического оформления.

Литература

1. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. 320 с.
2. Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Москва; Нью-Йорк, 2001. 846 с.
3. *Философский энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
5. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образования понятий. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 351 с.
6. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка // Вестн. Том. ун-та. Бюл. оперативной информации. 2004. № 38. 218 с.
7. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.
8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
9. *Логический анализ языка: Культурные концепты*. М.: Наука, 1991. 204 с.
10. Алейник Г.Б. Семантико-грамматические особенности абстрактных имен существительных (на материале современного французского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 169 с.
11. Milewski T. Introduction to the Study of Language. Mouton, the Hague, Paris. PWN – Polish Scientific Publishers, Warszawa, 1973. 204 p.

12. *Schmidt H.J.* English Abstract Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. 457 p.
13. *Ильенков Э.В.* Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике // Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 379–414.
14. *Коряковцева Е.И.* Статус имени действия // Вопр. языкознания. 1996. № 3. С. 55–66.
15. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
16. *Ирисханова О.К.* Лингвокреативные основания теории номинализации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 50 с.
17. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.